

Только что прошёл недавний дождь, каменные плиты дорожек были влажными. Торговец людьми велел детям присесть на корточки под карнизом в ожидании, пока дворцовые матушки выйдут и заберут их. Сяхоу Лянь забился в самую гущу ребят, то и дело рассеянно сдирая с ботинок прилипшую грязь. На лодыжке у него ощущалось что-то твердое — это был кинжал, который Дядя Дуань дал ему для самообороны перед отправкой из дома.

Лицо у него было красивое, особенно глаза — точь-в-точь как у матери, они сияли, словно ночное небо, усыпанное звездами. По дороге маленькие девчонки то и дело пытались заговорить с ним, но он неизменно хранил молчание.

В его собственных глазах он сильно отличался от этих девчонок. У тех волос длинный, а ума короткий — они лишь и знали, что продажа в Поместье Се гарантирует им сытную еду и теплую одежду, а те, кто похитрее, наверняка мечтали забраться на ложе хозяина. Но Сяхоу Лянь — совсем другое дело. Он — юнейший ассасин Цзялань, он пришел сюда вовсе не в слуги наниматься, он пришел убивать.

Сделав вид, что его это ничуть не волнует, он подпер голову рукой и обвел взглядом окрестности. Рано утром на улице было безлюдно, в переулке царила тишина, а у самого входа несколько нищих дремали, то и дело роняя головы.

Сяхоу Лянь подумал, что среди этих нищих наверняка есть люди из Цзялань. Стоит ему успешно затесаться в Поместье Се, как кто-нибудь перебросит через стену записку с указанием цели для покушения. А может статься, кто-то даже забредет посреди ночи под его окно, чтобы подсказать, где прячется тайный агент Цзялань.

Хотя сам он никогда прежде не участвовал в устранении целей, матушка всегда рассказывала ему об этом, когда укладывала спать: ассасины Цзялань неуловимы, они скрываются среди простого народа и убивают, не оставляя и следа.

Он прожил в горах двенадцать лет, оттачивая владение клинком под началом наставников, а в свободное время гонял фазанов и преследовал диких кроликов. И вот теперь, когда ему наконец выпал шанс спуститься с гор ради настоящего задания, Дядя Дуань пообещал: если дело выгорит, в обители Цзялань повесят табличку с вырезанным на ней его именем, и тогда он станет истинным ассасином. Пусть ему еще не доводилось с кем-либо меряться силами, но ведь его матушка была сильнейшим ассасином Цзялань, а он — её сын, а значит, ему тоже суждено стать непревзойденным мастером.

Торговец людьми приблизился, пересчитывая детей. Сяхоу Лянь опустил взгляд, затаил дыхание и смиренно замер на корточках.

Все ассасины ведут себя именно так — они всегда незаметны.

Две матушки в сопровождении нескольких служанок отворили створки ворот и перешагнули через порог. Торговец тут же расплылся в улыбке и услужливо шагнул навстречу:

— Все здесь, как на подбор целые и невредимые, проворные и смышленные ребяташки. Всего по пять связок медных монет за душу — дешевле в Цзиньлине не сыщете.

Старшая матушка велела детям выстроиться в ряд и принялась каждого осматривать с ног до головы. Убедившись, что у ребят на месте носы и уши, что никто не обделен руками или ногами и что среди них нет уродов с кривыми лицами, она долго и упорно торговалась с торговцем, прежде чем наконец завести детей в Поместье Се.

У Сяхоу Ляня был отличный слух: он услышал, как торговец звякнул в руке серебром и презрительно сплюнул:

— Нищebroды проклятые!

Все матушки и служанки были одеты в ватники далеко не первой свежести, и лишь старшая щеголяла в наряде получше, с нефритовым браслетом на запястье. На ватнике же женщины, замыкавшей шествие, красовалась аккуратная заплатка.

— Эй, ты, в сером ватнике, подойди-ка сюда, — внезапно раздался окрик.

Сяхоу Лянь поднял голову и увидел, что главная матушка указывает на него пальцем.

Он подошел, и матушка тут же толкнула его к той женщине с заплаткой на ватнике, бросив:

— Паренёк на вид смышленный, забирайте его к себе в усадьбу, будете использовать по хозяйству, только не говорите потом, что госпожа обидела Третьего молодого господина.

— Матушка Лю, молю, дайте служанке еще одного человека! Прежде госпожа уже забрала двух девчонок подряд, и теперь у нас в усадьбе остались лишь я да одна малолетка — рук катастрофически не хватает, — женщина скорчила жалобную гримасу, а рот её, сморщенный и круглый, походил на грецкий орех, словно его вымочили в горьком отваре.

Матушка Лю холодно фыркнула:

— Третий молодой господин — сущий сопляк, сколько ему слуг подавай? Неужели прикажете перевести к вам всё поместье на услужение? Поместье Се огромно, рабочие руки нужны везде. Купили всего несколько детей, так благодарите судьбу, что вам достался один работник взамен убитых, а вы еще и нос воротите?

— Смею ли я... Матушка Лю, не гневайтесь, одного будет достаточно, — женщина торопливо поклонилась, схватила Сяхоу Ляня за руку и потянула за собой мотнувшись прочь.

Ладони женщины были покрыты множеством мозолей, отчего кожа Сяхоу Ляня неприятно засадила, но он уже привык: ладони его матери из-за многолетнего обращения с клинком были куда грубее.

— Впредь можешь звать меня Матушкой Лань. А как тебя зовут?

— Сяхоу Лянь, — ответил он с напускным послушанием и робким видом.

— Какое еще лян?

— Лян из стиха: *за зеленью туманных лулей кругом, меж рябью вод туманных тени бродят*.

Матушка Лань удивленно покосилась на Сяхоу Ляня:

— Ты даже стихи умеешь читать?

Сяхоу Лянь испугался. Он совсем забыл, что детей, которых продают торговцы, обычно растят в нищете — о заучивании стихов не было и речи, они порой даже простейших иероглифов не знали. Он поспешно солгал:

— Я слышал это от других, запомнил всего одну строчку.

Матушка Лань улыбнулась:

— Уметь читать стихи — это прекрасно. Наш молодой господин Цзинлань больше всего на свете любит книги. Если ты знаешь пару строк, наверняка сможешь угодить ему. А грамотен ли ты? Учился ли чему-нибудь? Знаешь ли Триста фамилий или Тысячесловие?

Если книги для взрослых и сборники приемов владения клинком можно было считать учебой, то...

— Чуть-чуть читал, разве что собственное имя написать умею.

Матушка Лань похлопала Сяхоу Ляня по руке и мягко улыбнулась:

— Этого уже вполне достаточно, а твоя матушка Лай и вовсе способна различить лишь пару цифр.

По дороге им то и дело попадались служанки и челядь, но Матушка Лань всегда заблаговременно останавливалась, чтобы отвесить поклон, или вовсе обходила их стороной. Слуги же делали вид, что в упор её не замечают, отчего Сяхоу Лянь невольно призадумался.

— Говорят, хозяин завтра возвращается в поместье, главная госпожа вне себя от радости! Давайте-ка поживем поживем, сегодня же нужно привести в порядок покои хозяина, — донеслись обрывки разговора двух шедших впереди девчонок. Матушка Лань почтительно поклонилась им и разминулась с ними плечом к плечу.

— Чему тут радоваться? Я слышала, хозяин угодил в немилость к евнуху Вэю из дворца, вот его

и сослали подальше. Будем осторожнее, как бы на неприятности не нарваться.

— И впрямь, охота ему была связываться с евнухом Вэем? Нажил себе проблем на пустом месте.

Голоса затихли вдали. Сяхоу Лянь шел, опустив голову, как вдруг ему навстречу выбегла круглолицая девчонка лет тринадцати-четырнадцати:

— Матушка! Я вышла вас встретить. Ой, почему вы привели только этого сопляка?

— Поди сюда, Сяо Лянь, поприветствуй старшую сестрицу Ляньсян, — произнесла Матушка Лань.

— Сестрица Ляньсян, — послушно отозвался Сяхоу Лянь.

Ляньсян бросила на него пренебрежительный взгляд и недовольно протянула:

— Какая от этого мальчишки польза? За ним самим еще уход нужен. Главная госпожа совсем заигралась: каждый день требуются люди на уборку, стирку и прополку, думает, мы тут клонироваться умеем?

Матушка Лань удержала её за рукав и покачала головой:

— Полно, полно тебе, не ворчи. Нас троих вполне хватит на уход за молодым господином. Ой, а ты почему выскочила? Как ты могла оставить молодого господина одного в комнате?

— Ничего страшного, он спит после обеда.

Матушка Лань тревожно занервничала, и все трое ускорили шаги, направляясь ко Двору Осеннего Тунгового Дерева. Сяхоу Ляню показалось, что они пересекли всё поместье целиком: окрестные пейзажи становились всё более запущенными и обветшалыми, и лишь после добрых полчаса ходьбы показалась боковая калитка Двора Осеннего Тунгового Дерева. Не успели они войти, как изнутри донесся грохот — с лязгом и звоном покатались опрокинутые кастрюли и миски, а следом раздался яростный крик юноши:

— Верни мне книгу! Верни!

Матушка Лань и Ляньсян бросились внутрь, а Сяхоу Лянь последовал за ними. В скудном дворе царил полный кавардак: полувзрослый парнишка был прижат к земле несколькими слугами, лицо его покрывали грязь и пыль. Рядом возвышался дородный белолицый толстяк — его нос и уши походили на круглые мясные шарики, лоснящиеся и блестящие. С самого момента прибытия в поместье Сяхоу Ляню попадались исключительно худые люди, так что создавалось впечатление, будто все соки поместья ушли в этого единственного человека.

В Цзиньлине юноши имели обыкновение подкрашивать лица и накладывать румяна, но этот толстяк, судя по всему, обладал глубоким самопознанием в отношении собственной внешности и намазался косметикой чересчур щедро. Стоило Сяхоу Ляню оказаться в нескольких шагах от него, как в нос ударил густой запах благовоний, от которого у мальчика даже закружилась голова.

— Что значит вернуть? Эта книга изначально моя! Даже если она мне не нужна и я выбросил её за порог, она все равно моя! Кто разрешил тебе, сучьему выродку, подбирать её и читать? — толстяк ожесточенно разорвал книгу в клочья и злобно процедил: — И ты, с твоей жалкой душонкой, еще смеешь читать? Что, на экзамены собрался? В чиновники метишь? Мечтай, мечтай, ублюдок шлюхи, будешь до конца дней своих прислуживать мне последней подстилкой!

— Я прирежу тебя! Прирежу! Не смей оскорблять мою матушку! Не смей! — юноша отчаянно извивался, его лицо побагровело, а глаза налились кровью.

Ляньсян и Матушка Лань опустились на колени и принялись беспрерывно бить поклоны, заливаясь слезами:

— Старший молодой господин, пощадите Третьего молодого господина! Помилуйте его!

— Пошли вон с дороги! А ну, общите его живо, проверьте, не припрятал ли еще какую из моих книг! Вытащите всё и порвите на куски!

Слуги перерыли всё вокруг, вверх дном перевернув весь двор, изорвали даже туалетную бумагу в отхожем месте, а затем свалили кучу обрывков на открытом площадке. Книг набралось совсем немного, а с учетом туалетной бумаги едва удалось наскрести лишь небольшую горку.

Третий молодой господин тупо уставился на груды бумажного мусора, затем медленно поднял взгляд. В его холодных глазах читалось жгучее презрение:

— Если мне хоть однажды удастся взмыть ввысь, я непременно заставлю тебя сдох...

Не успел он договорить, как один из слуг с размаху пнул его ногой, повалив на землю, и громко расхохотался:

— Взмыть ввысь собрался? С такой ничтожной судьбой барахтаться тебе вечно в грязи, и этого никому не изменить!

Сяхоу Лянь присел на корточки у стены, кипя от злости. Его рука сама собой потянулась к кинжалу в голенище, но он тут же одернул себя: нет, ассасин не имеет права выдавать себя. Он заставил себя убрать руку и тихонько съежился, превратившись в перепуганного птенца.

Толстяк присел перед Третьим молодым господином, зачерпнул с земли пригоршню обрывков и, зажав его лицо левой рукой, принялся запихивать бумагу прямо в рот. Тот отчаянно

сопротивлялся, но слуги намертво прижали его к земле, а наблюдавшие за этим лакеи покатывались со смеху. Матушка Лань и Ляньсян попытались броситься на помощь, но другие слуги оттащили их назад, и им оставалось лишь беспомощно смотреть, как Третий молодой господин припал к земле с покрасневшими глазами.

— Се Цзинлань, заруби себе на носу: твоя мамаша-шлюха в свое время подкараулила моего отца, когда тот напился, и забралась к нему в постель, так что ты — сущий ублюдок. И ты еще смеешь мечтать об учебе и чинах? Забудь об этом! Моя матушка проявляет милосердие, позволяя тебе зваться молодым господином, но если ты вздумаешь бунтовать, я прикажу выкинуть тебя вместе с твоей старой каторжной служанкой чистить ночные горшки!

Толстяк бросил ему на голову пригоршню рваной бумаги, и та снежными хлопьями осыпалась на его волосы и лицо. Толпа мерзавцев расхохоталась пуще прежнего и удалилась.

Матушка Лань и Ляньсян поспешили поднять Се Цзинланя, отряхивая его одежду от пыли; на глазах обеих блестели слезы.

— Как старший молодой господин смеет так издеваться над Третьим молодым господином? Ведь это были его собственные выброшенные книги, наш молодой господин просто подобрал их в кладовой, а он взял и порвал всё в клочья! — негодовала Ляньсян. Заметив, что Се Цзинлань молча поджимает губы, она смягчила тон и добавила: — Молодий господин... может, ну её, эту учебу? Ай, бумаги нет, туши нет, да и книги уничтожили, давайте бросим это дело.

Се Цзинлань пропустил её слова мимо ушей. Матушка Лань взяла метлу, собираясь подмести обрывки с земли, но Се Цзинлань встал и преградил ей путь:

— Не надо мести. Соберите их в комнате, я попробую склеить.

— Но они же измельчены в труху, тут обрывки со страниц нескольких разных книг, разве их можно восстановить?

— Можно. Оставьте это мне.

— Точно! Сегодня служанка привела с собой паренька по имени Сяо Лянь, он грамотный — сможет помочь молодому госпожину. Сяо Лянь, где ты? Живо подойди сюда, поприветствуй молодого господина.

Услышав это, Сяоу Лянь торопливо подбежал и неуклюже поклонился Се Цзинланю. Подойдя ближе, он наконец смог разглядеть лицо юного господина. Несмотря на то, что тот был с ног до головы испачкан грязью, это не могло скрыть природную красоту его черт: уголки глаз были слегка приподняты, словно нарисованы тушью, придавая лицу неуловимый шарм, однако болезненная бледность выдавала в нем изможденного человека, которому вечно не хватает еды.

Оказалось, обыкновенный маменькин сынок — неудивительно, что он не смог дать отпор. Все мужчины в Цзялань отличались крепким телосложением, и стоило им снять одежду, как взору представляли бугры мышц. Сяхоу Лянь, проводший всю жизнь в горах, привык видеть лишь прошедших огонь и воду суровых бойцов, закаленных в смертельных схватках. Он никогда прежде не встречал столь неженки, и сейчас в глубине души почувствовал к нему легкое презрение.

Се Цзинлань приподнял веки и окинул Сяхоу Ляня оценивающим взглядом. Увидев растрепанные виски мальчика и грязь, густо размазанную по лицу так, что он был похож на измазанного сажей лесного макака, молодой господин невольно сморщился и брезгливо бросил:

— Что это за чучело? Мне такое не нужно, ведите назад.

Сяхоу Лянь: «...»

<http://bllate.org/book/26257/3145227>